

Михаил Небогатов

«Я СТОЮ ЗА ТЕБЯ, ДОБРОТА!»

// Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 17 сентября. – С. 4.

Известный советский критик Евгений Осетров, выступая недавно на страницах «Литературной газеты», высказал глубоко верное суждение, которое мне хочется процитировать: «Трудно примириться с мыслью, что хорошие стихи – большая редкость. Но это так. Только версификаторы могут считать стихи сотнями. Поэзия с большой буквы – единственна и неповторима. Обнаружив новые стихи, надо так же радоваться, как радуется старатель счастливой находке слитка самородного золота».

Признаюсь откровенно: если бы меня не радовали стихи молодого кузбасского поэта Игоря Киселёва, я, наверно, не стал бы писать о его новой, только что вышедшей в Кемеровском издательстве книге «ЯРОСЛАВНА» – мало ли печатается у нас стихотворных сборников... Но вот дочитана последняя страница «Ярославны», и первое желание – поделиться с читателем мыслями и чувствами, навеянными этой книгой.

Игорь Киселёв родился в 1933 году, окончил Новосибирский педагогический институт, служил на Дальнем Востоке, во флоте. Первые его стихи появились более десяти лет назад. Печатался в газете «Комсомолец Кузбасса», в журнале «Сибирские огни», еженедельнике «Литературная Россия», в «Комсомольской правде». Первый сборник стихов Игоря Киселёва «Перецвет» вышел в Кемерове в 1966 году. Кстати сказать, в том же году его стихам была дана высокая оценка на Кемеровском семинаре молодых писателей Урала и Западной Сибири.

Как видим, автор в поэзии не новичок.

Поэтический мир Игоря Киселёва многообразен. В этом мире минутами всё светится, искрится от весёлого, по-детски восторженного настроения, а случается и так, что праздник света и красоты на какое-то время затеняют облака тревожных раздумий «о времени и о себе». По страницам книги идёшь, как по незнакомой дороге, которая нет-нет да и откроет тебе что-то новое, интересное. Это происходит чаще всего тогда, когда поэт те или иные явления действительности пропускает не только через сердце, но и критически, философски осмысливает их. Вот он пишет о том, как с высокой скалистой горы увидел поразившую его панораму – тихоокеанскую бухту, которую до этой поры прятал океан за прибрежными скалами. Красива бухта, но дело не только в ней:

*Мы ведь тоже в душах прячем
Нежность,
Сказку,
Доброту.*

*Сердцу, разуму ли, глазу
Нужно, видно, неспроста,
Чтоб недаром и не сразу
Открывалась красота.*

Или вот стихотворение о человеке, который, оказавшись в беде, обиженный людьми, уходит от них на время к природе, чтобы наедине с ней обдумать свою жизнь, набраться новых сил и мужества для преодоления обрушившихся на него невзгод. Заканчивается стихотворение впечатляющим и значительным по мысли поэтическим образом:

*Просто в смутном лесу за рекою,
Предрассветную слушая тьму,*

*Он к земле прикоснётся щекою,
И земля прикоснётся к нему...*

И сам поэт умеет слушать землю, прикасаясь к ней чутким сердцем, и потому так неравнодушен он к этой до слёз родной земле и ко всему, что делается на ней. Были и есть поэты, позиция которых – бесстрастное созерцание добра и зла, стремление отгородиться от большого мира частоколом красивых слов и звучных, изысканных рифм. У Игоря Киселёва мы наблюдаем совершенно противоположное: многие его стихи пронизывает один и тот же мотив – мотив беспокойства, какой-то душевной неудовлетворённости, за которой угадывается неукротимое желание того, что мы называем совершенством, идеалом. Отсюда и беспощадная требовательность к людям и, в первую очередь, к себе:

*Лес молчал, затаил свою речь,
Но молчал он как строгий судья:*

*Мол, а я себя мог не беречь?
Добр ли я? Бескорыстен ли я?*

Это из стихотворения «Лес в сентябре» – о безграничной щедрости осенней природы, которая горстями сыплет, дарит птицам и зверушкам накопленные за лето ягоды, плоды... Больше всего поэт боится, как бы не опутал душу покой обыденности, будничной суеты, как бы не потеряла душа творческой окрылённости, стремления к открытиям, к новизне:

*Не знал, не думал никогда,
Что в буднях тонешь, точно
в студне,
Что быт, и бедность, и беда
просвечивают в слове «будни»...
Где эта станция?
Когда*

*запнулся в буднях бег свободный,
И стала лампою звезда,
река – трубой водопроводной?
Когда обыденность впряглась
в полёт, порывы, интересы?..
Вперёд, куда видит глаз,
летят накатанные рельсы...*

Нельзя не разделить с автором гореванья по поводу привычного, будничного мелькания дней, к которому мы, к сожалению, невольно привыкаем – и только по прошествии какого-то времени вдруг начинаем понимать: а ведь могли эти дни быть не такими серыми и обыденными, можно было наполнить их и чем-то новым, необычным.

*Время! Как мы тебя
переводим!
Время! Как мы тобой
дорожим!
На мгновение дух переводим
и опять без оглядки бежим.
На ходу и грустим, и хохочем,
торопливо целуем подруг.
Лишь мелькает трава у
обочин,
нам взглянуть на неё недосуг.
Скорость!*

*Скорость!
Не звука, так света!
Как в ушах она грозно поёт!
Нам проклятие скорости этой
оглянуться никак не даёт.
Не даёт, постоянно тревожа,
будоража нас и теребя,
Справедливей, сердечней
и строже
заглянуть и в других,
и в себя...*

Что это – бунт против века скоростей? Жажда безветренного уюта? Ни то, ни другое. Это опасение: а не притупит ли наши чувства, не сделает ли нас равнодушными скоростной бег жизни, бешеный её ритм? Проследим дальше за ходом мысли автора:

*И томит меня странная
робость,
И не знаю я, чья тут вина,
что душа, как пропеллера
лопасть,
при полёте совсем не видна...*

*Я со временем нашим не спорю,
но тревога – морщинкой у рта.
Доброта!
Ты со скоростью в ссоре!
Я стою за тебя, доброта!*

Вот в чём суть – в боязни очерстветь, потерять драгоценное человеческое качество – доброту. Именно добротой – к людям, к животным, к природе – светятся наиболее удачные стихи Игоря Киселёва. Верится в его искреннее признание:

*Не знаю, под каким родился знаком,
Но вот брожу по тропам и мостам
С невыразимой нежностью к собакам,
К безропотным деревьям и цветам...*

Обратите внимание на точнейший эпитет – безропотным. Не ропщут леса, когда какие-то головотяпы бесхозяйственно сносят их, вырубают целыми массивами... Доброта диктует Игорю Киселёву много по-настоящему сильных строк:

*Что думают о нас дельфины,
И добродушны, и сильны,
Когда стремительные спины
Блеснут внезапно из волны?..
Какая их толкала сила,
И праведна, и высока,
Когда на берег выносила
Дельфинья стая рыбака?*

*А мы им – пуля и весло!
Недоумением и болью
Глаза большие занесло.
В прозреньё, позднем и
жестоком,
Что лишь отчаянью сродни,
Они глядят на нас с упрёком
И если только бы они!..*

Они к нам – с верой и любовью,

Сколько стихов и песен про Стеньку Разина и его княжну, а Игорь Киселёв сумел сказать на эту тему своё слово – да такое сердечное, рождённое всё той же добротой:

*Поглядел и прощально и долго
На заморское чудо своё –
И сомкнулась холодная Волга
Над ребяческим горлом её...
Всё простится. Одно не
простится:
Опускаясь в холодную тьму,
Чужеземная девочка-птица
Улыбалась сквозь слёзы ему...*

Про Игоря Киселёва не скажешь, что у него какая-то одна, излюбленная, сокровенная тема (как, например, у Виктора Баянова – русская деревня). Тематика произведений молодого автора широка. Ничего плохого в этом нет, наоборот, стоит приветствовать склонность поэта к отображению действительности во всех её проявлениях – были бы только раздумья о ней глубоки и значительны. Но недаром говорят, что недостатки – продолжение наших достоинств.

Если вспомнить приведённое выше сравнение страниц книги с незнакомой дорогой, то некоторые стихи дают повод сказать, что иногда Игорь Киселёв незаметно для себя сворачивает со своей трудной колеи на проторённые уже кем-то другим тропки.

Вот некоторые примеры. «Продолжается наша дорога друг в друга». Чужеродным телом выглядит это выпренное, какое-то не русское выражение «друг в друга» в стихах поэта, который умеет писать просто. Не следовало повторять чеховскую находку в изображении лунной ночи: «И луна, позабытый обмылок, появившись на миг в синеве, только горлышки грязных бутылок освещала в измятой траве». Книжность отомстила здесь приблизительностью в рисунке: как бы ни сияла луна, вряд ли с точностью определишь, грязная или чистая бутылка поблёскивает в траве... Стихотворение «Человек и зеркало» – вариация есенинского «Чёрного человека». Есть в книге совсем слабые стихи. («Недалеко, в захолустье» – о том, как гуси уронили на прощанье перо, даже рифмы здесь шаблонные: гуси – гусли; «Зима», всё содержание которой – в довольно неоригинальной мысли: «Бежит смеющаяся пара, бежит, не размыкая рук»).

Эти недостатки, конечно, досадны, однако общее впечатление от книги хорошее. Игорь Киселёв – поэт серьёзный, мыслящий. Ему дорого – и в людях, и в их отношениях, и в природе – только то, что отмечено добротой, нежностью, светом, любовью, красотой, человечностью; именно поэтому возвышает он свой голос против всего тёмного, злого, несправедливого. Он хочет, чтобы жизнь на земле была похожа на сказку – ведь все сказки, которые слышал в детстве, «такие грозные в начале, такие добрые в конце», «и доброта была в них сильной, и сила доброю была». Так пусть же эта добрая сила всегда и везде побеждает! Пусть люди живут так, как положено им жить, – без вражды, недоверия, обмана, подвохов; вспомните, какими вы бываете на переговорном телефонном пункте: «В мембране голос бьётся, как окунь на траве. Всего ему даётся минута или две. А правда нелегка ведь, грозней гранитных плит. Но лгать, хитрить, лукавить регламент не велит». Живите, люди, дружно, говорит поэт, дарите радость друг другу, будьте искренними и добрыми.